

он переживал «тяжелейший творческий кризис»³⁷².

Не буду углубляться в причины столь печального его состояния в постперестроечный период, отмечу лишь, что любая имевшая место в истории человечества революция калечила, вне зависимости от своей формы, судьбы миллионов людей, поневоле попавших в жернова революционных потрясений и зачастую превращенных в прах их неумолимым движением. Но как раз о таких безгласных жертвах перемен историки и писатели обычно почему-то хранят молчание. Одним из блестящих исключений здесь является Б.Л. Пастернак, не случайно ставший одним из любимых писателей Г.С. Кучеренко³⁷³. В гениальном романе «Доктор Живаго», удостоенном Нобелевской премии, он сумел через судьбу главного героя раскрыть внутреннюю драму, если не трагедию, целого поколения ни в чем не повинных людей, которые не смогли найти себе места в новом обществе, порожденном российской революцией 1917 г.

Однако, посмертная судьба Г.С. Кучеренко во многом отличается от судеб миллионов его соотечественников, не сумевших, как и он, приспособиться к новым, жестким и жестоким, условиям постсоветской действительности. Он по-прежнему остается вместе с нами, благодаря своим замечательным книгам — глубоким научным исследованиям по истории социалистической мысли и советской историографии истории социалистических идей³⁷⁴.

Геннадий Семенович Кучеренко будет и впредь рядом со мной и с моими коллегами до тех пор, пока из наших рук не выпадет перо...

³⁷² **А.В. Гладышев.** Три советских историка французского коммунизма XVIII в.: Волгин, Поршневу, Кучеренко // ФЕ — 2007. С. 211-212.

³⁷³ **А.В. Гладышев.** Г.С. Кучеренко: штрихи биографии. С. 205.

³⁷⁴ **Г.С. Кучеренко.** Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М. 1968; *его же:* Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М. 1975; *его же:* Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии XVI — первая половина XIX в. М. 1981; **В.А. Дунаевский, Г.С. Кучеренко.** Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М. 1981.

ГЛАВА VII

О ПЕРЕИЗДАНИИ КНИГИ

АКАДЕМИКА Е.В. ТАРЛЕ «НАПОЛЕОН»*

Разносторонние научные интересы, колоссальная эрудиция, легкость и живость преподнесения материала в сочетании с глубокой и всесторонней научной интерпретацией изучаемых проблем с давних пор превратили академика Евгения Викторовича Тарле (1874-1955) в одного из известнейших и популярнейших историков XX столетия.

В богатом творческом наследии Е.В. Тарле значительное место занимают работы по истории наполеоновского времени. Наряду с сугубо научными исследованиями в этой области («Континентальная блокада», «Печать во Франции при Наполеоне I», «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I» и т. д.), его перу принадлежат и труды более обобщающего характера, в том числе работы биографического жанра.

Ж. Годшо вспоминал, что А. Матъез считал биографический жанр самым сложным в «ремесле историка»³⁷⁵. Именно на этом сложнейшем поприще Е.В. Тарле себя проявил блестяще. Такие его книги, как «Наполеон» или «Талейран», написанные в стиле лучших традиций литературных классиков XIX столетия и адресованные не только специалистам, но и широким читательским кругам, стали хорошо известными со дня их выхода и прославили имя Е.В. Тарле далеко за пределами его родины. Тем не менее, значение этих книг отнюдь не исчерпывалось обеспечением их автору вполне заслуженного непрекаемого авторитета в научных кругах и закрепления за ним почетного места среди крупнейших наполеоноведов.

Из всех книг Е.В. Тарле особый интерес неизменно вызывало биографическое исследование о Наполеоне, неоднократно издававшееся в СССР и за рубежом (за пределами его родины она была впервые опубликована в Париже в переводе на французский

* Написано в 1993 г., публикуется впервые.

³⁷⁵ **J. Godechot.** Vingt-cinq ans d'études sur l'histoire de la Révolution à Toulouse et dans la région toulousaine // AHRF. 1971. N° 203. P. 172.

в 1937 г.). Однако среди многочисленных изданий «Наполеона» выделяется прекрасно оформленное, богато иллюстрированное и выдержанное на самом высоком научном уровне переиздание, подготовленное к печати В.А. Дунаевским и Е.И. Чапкевичем. Оно воспроизведено по тексту книги, вошедшей в собрание сочинений Е.В. Тарле в 12-и томах³⁷⁶, и опубликовано издательством «Пресса» тиражом в 100 тысяч экземплярах³⁷⁷.

Но прежде чем перейти к рассмотрению достоинств и некоторых упущений этого издания, вкратце остановимся на самой монографии знаменитого историка. Со времени ее опубликования в 1936 г. прошло более полувека. За минувшее время историческая наука продвинулась далеко вперед. На смену поколению историков 1930-1940-х годов пришли новые исследователи, обогатившие наполеоноведение ценными трудами. Достойны упоминания имена Э. Терсена, А. Кастело, Ж. Тюлара, Ж.-П. Берто. Особое место среди них принадлежит А.З. Манфреду, удивительно талантливая книга которого о Наполеоне, по мнению Ж. Годшо, «достойна быть отнесенной к лучшим биографиям императора»³⁷⁸. И тем не менее, книга Е.В. Тарле все еще с не ослабевающим интересом воспринимается читателями наших дней. Так в чем же ее колоссальная притягательная сила?

В середине 1930-х годов, когда она была написана, в наполеоноведении господствовало идеализировавшее Наполеона апологетическое направление, берущее начало с последней четверти XIX столетия, родоначальниками которого были А. Сорель и А. Вандаль. В 1920-1930-х гг., во Франции издавались и переиздавались книги Э. Дрио, Л. Мадлена, представлявших это направление и тех, кто находился под его влиянием. Этому историографическому направлению было присуще изображение Наполеона чуть ли не сверхчеловеком, спасшим Францию от неименуемой гибели в конце XVIII столетия, слепой культ

³⁷⁶ **Е.В. Тарле.** Наполеон // **Е.В. Тарле.** Сочинения. Т. 7. М. 1959.

³⁷⁷ **Е.В. Тарле.** Наполеон. Подготовка текста, общая редакция, подбор иллюстративного материала д.и.н. В.А. Дунаевского. Послесловие и комментарии В.А. Дунаевского и Е.И. Чапкевича. Оформление художника А.Н. Жилина. М. 1992.

³⁷⁸ **J. Godechot.** La période révolutionnaire et impériale (publications de 1978 à 1985) // *Revue historique.* 1986. N° 557. P. 200.

обожествления его личности.

Начало подлинной научной разработки истории наполеоновской эпохи Ж. Годшо связывал с деятельностью «университетских» исследователей начала XX столетия, во главе с А. Оларом. В оценке личности и деятельности Наполеона А. Олар проявил более объективное отношение. В то же время по его указаниям ряд его учеников приступил к углубленному изучению различных проблем истории наполеоновской империи³⁷⁹.

Обозначившаяся к началу XX столетия, пока еще весьма слабо, тенденция более объективной оценки деятельности Наполеона углубилась в середине 1930-х годов, когда была опубликована монография Ж. Лефевра³⁸⁰. Он нарисовал реалистический портрет Наполеона, исходя в трактовке переворота 18 брюмера и бонапартистского режима из соотношения политических и социальных сил, сложившихся во Франции к концу XVIII столетия.

Такова была, в общих чертах, обстановка в области наполеоноведческих исследований накануне появления книги Е.В. Тарле.

Эта первая, написанная с марксистских позиций научная биография Наполеона опиралась не только на тщательное изучение необозримой литературы, но и на неопубликованные документы, привлеченные автором из архивных хранилищ зарубежных стран. Важнейшие явления эпохи, связанные с природой бонапартистского режима, возвышение и падение империи Е.В. Тарле освещал под новым углом зрения. Не вдаваясь в подробности, рассмотрим основополагающие положения, легшие в основу его книги.

Основная идея, которой пронизана вся книга, сводилась к оценке бонапартизма, как военного и авторитарного политического режима. Справедливости ради отметим, что до него на это обстоятельство обратил внимание еще Ж. Лефевр. Но если тот ограничился самыми общими замечаниями на этот счет, то Е.В. Тарле разносторонне осветил классовую природу бонапартистского режима, впервые дал развернутую и научно аргументированную оценку военной диктатуры Наполеона, которая, как он полагал, выражал интересы крупной промышленной и торговой французской буржуазии.

³⁷⁹ **J. Godechot.** L'Europe et l'Amérique à l'époque napoléonienne (1800-1815). Paris. 1967. P. 289.

³⁸⁰ **G. Lefebvre.** Napoléon. Paris. 1935.

Эта оценка, безусловно, страдает однобокостью, поскольку установленный Наполеоном режим зачастую ущемлял интересы той же крупной буржуазии. В то же время политика Наполеона отражала интересы более широких слоев французского общества, а не одной лишь крупной буржуазии. В любом случае, авторитарный и военный характер наполеоновской власти, так упорно не признававшийся апологетами Наполеона, фактически впервые со всей глубиной был раскрыт Е.В. Тарле. Именно в этом одна из важнейших его заслуг.

Однако в оценке роли Бонапарта в перевороте 18 брюмера Е.В. Тарле, в отличие от Ж. Лефевра, не пошел дальше А. Вандала. В интерпретации этой первостепенной важности проблемы Ж. Лефевр всю ответственность за переворот возлагал не на Бонапарта, а на определенные круги французской буржуазии, подготовившие его во время нахождения генерала в Египте³⁸¹. Е.В. Тарле же, вслед за А. Вандалем продолжал настаивать на том, что Бонапарт, оставив Восточную армию на произвол судьбы в пустынях Египта, спешно вернулся во Францию с твердым намерением свержения Директории и захвата власти. Он даже утверждал о наличии у Бонапарта такого замысла еще со времен итальянской кампании.

Такая интерпретация роли Бонапарта, имеющая своих сторонников и в наши дни (А. Кастело, М. Пониатовский, Ж. Тюлар)³⁸², была основательно опровергнута А.З. Манфредом, убедительно доказавшим отсутствие у Бонапарта таких замыслов до его возвращения из Египта. Отметим также, что среди современных французских историков роль Бонапарта в перевороте, в целом, с аналогичных позиций трактуют Ж.-П. Берто, Р. Дюфресс и др.³⁸³. Но при рассмотрении интерпретации, выдвинутой Е.В. Тарле в этом вопросе, как и его видения наполеоновской эпопеи в целом, непременно следует учесть и

³⁸¹ **G. Lefebvre**. Op. cit. P. 60. Его более развернутую точку зрения см.: **G. Lefebvre**. La France sous le Directoire.

³⁸² **A. Castelot**. Bonaparte. Paris. 1967 ; **M. Poniatowski**. Talleyrand et le Directoire. Paris. 1982 ; **J. Tulard**. Le Directoire et le Consulat. Paris. 1991.

³⁸³ **J.-P. Bertaud**. 18 brumaire. Bonaparte prend le pouvoir. Bruxelles. 1987 ; *idem*: Initiation à la Révolution française. Paris. 1989 ; **R. Dufraisse**. Napoléon. Paris. 1987 ; **J.-D. Berdin**. Sieyès. La clé de la Révolution française. Paris. 1988.

особенности исторической эпохи, породившей эту книгу.

Как и подавляющее большинство исторических исследований, она была призвана к жизни велением своего времени. Общая политическая обстановка в стране в значительной мере повлияла на оценку Е.В. Тарле деятельности Наполеона. Будучи современником формирования сталинской диктатуры, работая в условиях беспрецедентного в истории восхваления роли личности новейшего диктатора и деспота, Е.В. Тарле, поддавшись веяниям времени, сам преувеличивал роль генерала Бонапарта в исторических судьбах Франции на рубеже XVIII-XIX столетий, дабы подчеркнуть определяющую роль личности в истории.

Применяя марксистскую методологию, Е.В. Тарле вскрыл захватнический, хищнический характер наполеоновских войн, показав при этом их прогрессивную роль в процессе перехода от феодализма к капитализму на европейском континенте. В то время, как многие его предшественники и современники (Л. Мадден и др.) усердно искали причины падения империи в поражениях Наполеона на поле брани и обуславливали его низвержение, главным образом, военными неудачами, Е.В. Тарле перенес центр тяжести в иную плоскость. Согласно его концепции, определяющую роль в распаде наполеоновской империи сыграли гегемонистические устремления Наполеона, воплотившиеся в проводимую им с 1806 г. политику континентальной блокады, препятствовавшую свободному социально-экономическому развитию поработанных стран и предвещившую крах его необъятной империи.

В освещении узловых проблем наполеоновской эпохи Е.В. Тарле во многом разошелся с представителями апологетического направления, но в, конечном итоге, так и не смог полностью порвать с некоторыми его традициями. Ведь влияние этого направления сказалось не только на оценке роли генерала Бонапарта в перевороте 18 брюмера, но и в том, как любовался историк деятельностью Наполеона в период кампании 1814 г., или же Ста дней, что не осталось незамеченным Н.М. Лукиным³⁸⁴.

Не обращая к рассмотрению идейной эволюции молодого Бонапарта, Е.В. Тарле сконцентрировал внимание на его деятель-

³⁸⁴ См. рец. Н.М. Лукина на его книгу: **Н.М. Лукин**. Избранные труды. Т 1. М. 1960. С. 504.

ности на военном поприще в период Директории. Красочны и привлекательны страницы книги, посвященные итальянской и египетской кампаниям, с присущим ему блеском Е.В. Тарле описал военные походы времен Консульства и Империи, важнейшие сражения (Аустерлиц, Иена, Бородино, Лейпциг и др.). Несомненно, одним из неоспоримых достоинств книги является воссоздание автором ярких и живых портретов деятелей давно минувшего времени. На обширном полотне исторической эпохи, магической «кистью художника» Е.В. Тарле запечатлел самых разнообразных деятелей ближайшего окружения Наполеона. Перед читателем один за другим вырисовываются продажный Баррас и вероломный Талейран, любимцы императора «лихой гусар» Ланн и Даву, его жены Жозефина и Мария Луиза и многие другие. А с каким тонким мастерством он воспроизвел сцены коронации Наполеона, торжеств, организованных в связи с его вторым бракосочетанием, душераздирающего отступления остатков Великой армии по безграничным снежным просторам «холодной России», достойной быть сопоставимой с описанием той же картины в бессмертной «Человеческой комедии» (речь идет о повести «Прощай») Бальзака³⁸⁵, прощания императора в Фонтенбло со старой гвардией.

Благодаря незаурядному литературному дарованию Е.В. Тарле, его повествование не только захватывает неискущенного читателя, но и создает перед ним иллюзию, якобы автор является очевидцем событий прошлого, современником исторических деятелей (в этом отношении ему ничуть не уступал лишь А.З. Манфред). От первой и до последней страницы его книга читается с захватывающим интересом, вызывая чувство глубокой грусти у тех, кто перевернул ее последнюю страницу.

Все это ни в коей степени не означает, что все интерпретации и точки зрения автора бесспорны и сохранили научное значение, на чем мы уже частично остановились. В свете новейших достижений исторической науки бросаются в глаза его весьма негативная оценка Директории, в политике которой автор не видит ничего позитивного, поверхностное освещение русско-

³⁸⁵ О. Бальзак. Собрание сочинений в 24-х томах. Т. 19. М. 1960. С. 104-145.

французских отношений в 1801-1807 гг. Исследователи наших дней, конечно, не согласятся с ним в оценке дореволюционного строя во Франции, как «абсолютистско-феодального», или же с его односторонней трактовкой позиции французского роялизма в 1795-1797 гг. как монолитной политической силы.

В любом случае, монография Е.В. Тарле во многом сохранила свое научное значение. Интерпретация историком ключевых проблем изучаемой эпохи (характера бонапартистского режима, наполеоновских войн, причин гибели Великой армии в России и т. д.) перекликаются с современными спорами в историографии. Без всякого сомнения, именно по этой причине К. Мазорик утверждает о сохранении актуальности и оригинальности повествования Е.В. Тарле³⁸⁶, что и определяет прочное место, принадлежащее его книге среди неисчислимых работ, посвященных Наполеону.

Глубоко научная, и в то же время написанная в самой доступной для массового читателя форме (первое издание было опубликовано в серии «Жизнь замечательных людей»), книга Е.В. Тарле о Наполеоне привлекла сердца миллионов далеких от исторической науки читателей, как его современников, так и последующих поколений. С годами интерес к ней не иссяк, а спрос на нее еще велик. Исходя из этого, В.А. Дунаевский подготовил ее новое переиздание, во многом отличающееся от предыдущих.

В приложенном к книге обстоятельном послесловии В.А. Дунаевский и Е.И. Чапкевич проследили основные этапы тернистого творческого пути Е.В. Тарле, сложный процесс формирования его мировоззрения и эволюции его взглядов от эклектизма к марксизму.

Предметом специального рассмотрения в послесловии стала деятельность Е.В. Тарле в трудный период его жизни, наступивший после победы революции 1917 г. в России. Сосредоточивая внимание на проводимой Сталиным политике репрессий против крупных ученых — гуманитариев (вошедшей в историю под именем «академического дела»), жертвой которой стал и Е.В. Тарле, авторы сравнительно мало места уделили гонениям на

³⁸⁶ С. Mazaucic. Avant-propos // Е. Tarlé. Napoléon. Moscou. 1990. P. 3.

него со стороны историков-марксистов, представителей школы, возглавлявшейся академиками М.Н. Покровским и Н.М. Лукиным и третировавшей его как «буржуазного» историка.

Всесторонне освещена трудная судьба, выпавшая на долю книги Е.В. Тарле о Наполеоне, на примере которой можно убедиться, что путь историка к вершинам научного Олимпа был усыпан не одними только розами³⁸⁷, как это представлялось молодому поколению советских историков 1970-1980-х гг., располагавших самыми скудными сведениями о его жизни.

В книге содержатся комментарии (с. 581-595) и аннотированный указатель имен (с. 596-637), отражающий краткие биографии упомянутых Е.В. Тарле исторических деятелей, также составленные В.А. Дунаевским и Е.И. Чапкевичем. Строгие издательские рамки, безусловно, отразились на сжатом объеме комментариев и охвате материала. Так или иначе, авторы прокомментировали основные события и исторические факты, нуждающиеся в разъяснении для массового читателя. В ряде случаев они сопоставили некоторые трактовки Е.В. Тарле с точкой зрения других исследователей (А.З. Манфред и др.) по тому или иному вопросу. Именно под таким углом зрения было бы желательно остановиться также и на мифах о республиканизме генерала Моро (с. 161), или же о содержании «в ранце казды соддата жезла маршала» (с. 183), в ряде изречений Наполеона, окончательно развеянных современными, в том числе отечественными исследователями³⁸⁸, что к сожалению, не отразилось в комментариях.

В разъяснении нуждались, конечно, и некоторые факты, о которых в книге Е.В. Тарле имеются лишь беглые упоминания. К примеру, не подготовленному читателю недостаточно ясно, что представляли собой «польские легионы», созданные в 1796-1797 гг. и в 1807 г., или же «итальянский батальон» и «эскадрон мамелюков», входивших в императорскую гвардию. Ни в

³⁸⁷ См. подробно: **Е.И. Чапкевич**. Страницы биографии академика Е.В. Тарле // НиНИ. 1990. № 4. С. 45-48.

³⁸⁸ См. например: **Е.Б. Черняк**. Невидимые империи. Тайные общества старого и нового времени на Западе. М. 1987. С. 108-118; **К.Г. Бочоришвили**. Карьера наполеоновского солдата // ВИ. 1985. № 6. С. 181-186.

монографии, ни в комментариях читатель не сможет почерпнуть сведений о том, какие конкретно литературные наброски принадлежали Наполеону в 1789 г. Как нам представляется, нуждался также в объяснении вопрос, касающийся усиления континентальной блокады дополнительными декретами после 1806 г. Предметом специального рассмотрения в комментариях стал только трианонский тариф 1810 г., однако авторы ни одним словом не обмолвились о миланских декретах Наполеона от 23 ноября и 17 декабря 1807 г.

Не все утверждения авторов бесспорны. Вызывает, в частности, возражение оценка политики термидорианского Конвента, вызвавшей народные выступления в жерминале и прериале III года (апрель, май 1795 г.), как контрреволюционной (с. 592), которая была скорее направлена против народных низов.

В комментариях и биографических указаниях содержатся и некоторые досадные неточности. Остановимся на части из них. При Директории законопроекты утверждались и отвергались не Советом Пятисот (с. 583), а Советом Старейшин. В фрюктидоре V года (сентябрь 1797 г.) генерал Ожеро подавил не роялистский мятеж (с. 623), а роялистский заговор. Маршал Ланн был смертельно ранен в сражении под Эсслингом, а не при Асперне (с. 615). Говоря о вхождении Э. Сийеса и Р. Дюко в первый состав Консульства, было, несомненно, необходимо внести уточнение о временном характере этих назначений, ибо и тот и другой вскоре были заменены Ж. Камбасересом и Ш. Лебреном. В результате у читателя складывается неверное впечатление о вхождении в состав Консульства пяти членов. Нелишне было бы уточнить также, что мирный договор 1797 г. между Францией и Австрийской империей был заключен не в Кампоформии (с. 584), а в Пассариано.

Подчас не полностью освещены основные вехи деятельности того или иного деятеля. В биографической заметке о Ф. Бартеlemi, например, ничего не сказано о его вхождении в 1797 в состав первой Директории (с. 592). То же касается и разбора концепций некоторых французских историков: авторы почему то умалчивают о создании А. Тьером и О. Тьерри теории классовой борьбы (с. 632).

Однако все это мелочи в сравнении с добротной работой, осуществленной В.А. Дунаевским и Е.И. Чапкевичем по составлению комментариев и аннотированного указателя имен к книге Е.В. Тарле.

Особого внимания заслуживает помещенный в книге богатый иконографический материал, подобранный В.А. Дунаевским. В начале каждой из семнадцати глав размещены портреты Наполеона, принадлежащие кисти различных художников, изображающих героя книги на разных этапах его жизни, начиная от юного Бонапарта и кончая ссыльным императором, на фоне гор и тропических деревьев острова заточения в Атлантическом океане. В конце каждой главы приложены факсимильные репродукции подписей Наполеона, первая из которых датирована 1792 г., а последняя, сделанная в Лонгвуде, 1816 г.

Судя по широкому спектру охвата материала, В.А. Дунаевский поставил сложную задачу многогранного освещения наполеоновской эпохи через иллюстрации. Сразу же отметим, что в этом он блестяще преуспел. Иллюстративный материал размещен по хронологическому принципу: опубликованные в приложениях к каждой главе иллюстрации изображают Наполеона в его рабочем кабинете, на полях сражений, в окружении своих близких. В то же время много места уделено членам императорской семьи, маршалам и генералам. Составителем не забыты и любовницы императора, а также его знаменитый телохранитель армянин мамелюк Рустам Раза.

На тщательно подобранных полотнах непревзойденного мастера французской живописи Ж.-Л. Давида, его учеников (А.-Ж. Гро, О. Верне, А.-Л. Жироде) и др. запечатлены сцены важнейших событий в жизни Наполеона времен Первой империи (коронации императора, его второго бракосочетания, битв, и т. д.). Широко иллюстрирована глава, посвященная Отечественной войне 1812 г. Приложенные к одной из глав материалы отражают сцены из военной жизни Наполеона и формирования наполеоновской легенды. В то же время, с целью воссоздания полноценной картины эпохи, в специальном разделе В.А. Дунаевский представил французские, английские и немецкие карикатуры на Наполеона, составляющие неотъемлемую часть

«черной легенды» императора, рожденной в 1810 г. Включены также портреты У. Питта, Г. Нельсона, Людовика XVIII, К. Меттерниха и других противников Наполеона. Печально, что среди них не нашел место портрет Мурада бейя, принадлежащий кисти А. Дютертра.

В.А. Дунаевский поместил иллюстративные изображения и личных вещей императора (корон, мундиров, пистолетов, сабель, часов), а также появившихся уже в более позднее время статуэток и кукол, изображающих Наполеона. Среди них выделяется отлитая из бронзы статуэтка молодого Бонапарта на верблюде в период его нахождения в Египте (с. 489).

По существу В.А. Дунаевским и художником издания А.Н. Жилиным создана своеобразная богатая картинная галерея, посвященная жизни и деятельности Наполеона и его эпохи во всем ее разнообразии, окунувшись в которую, читатель получит ценную информацию о деятелях и событиях того времени. И все же отметим некоторые пробелы. Подобранные иллюстрации, отражающие сцены сражений, проигранных Наполеоном (Лейпциг, Ватерлоо), составитель пропустил полотна Х. Покока и Д. Дайтона, отображающие морские поражения французского флота в Абукирском заливе и у мыса Трафальгар. Сравнительно слабо иллюстрирована глава, посвященная египетской экспедиции. Читатель здесь не обнаружит изображения холстов Л.Ф. Лёжона, отражающих сцены решающих сражений, выигранных армией Бонапарта во время египетского и сирийского походов («Битва при пирамидах», «Вторая битва при Абукире», «Битва при Мон-Таборе») и А.-Ж. Гро («Битва при пирамидах», «Мюрат в Абукире»), а также литографию Ш. Мотта «Осада крепости Сен-Жан-д'Акр». Не очень богат иконографический материал к главам по истории Директории. В особенности книгу обогатили бы изображения полотен В.И. Сурикова и Ж.Б. Шееля, иллюстрирующие итальянский и швейцарский походы А.В. Суворова. Уточним также, что полотно Ж.-Б. Изабея изображает Жерома Бонапарта, а не императора Наполеона (с. 169).

В книге опубликовано изображение статуи Наполеона, установленной в 1813 г. на Вандомской площади Парижа (с. 442). Но для читателя было бы полезно узнать и о статуе императора

из белого мрамора, привезенной им в 1812 г. в Россию. Это уникальное творение неизвестного скульптора, представляющего Наполеона в наряде римских императоров, было предназначено для возвышения на Красной площади Москвы. Однако статуе было суждено разделить печальную судьбу своего хозяина, вторгшегося в пределы России. Покинутая отступавшими французами, всеми забытая, но, к счастью, уцелевшая, она нашла пристанище лишь в одном из подвальных помещений музея-панорамы «Бородинская битва»³⁸⁹. Было бы уместно, воспользовавшись подходящим случаем, представить широким читательским кругам возможность сопоставления «мраморного императора», который, к слову сказать, своим величием затмевает его статую, установленную на Вандомской площади, со многими другими произведениями французского изобразительного искусства, посвященных Наполеону.

Проделанная В.А. Дунаевским кропотливая работа по подбору иллюстраций способствует лучшему усвоению изложенного в книге Е.В. Тарле материала и будет с радостью принята читателями. Таким образом, рассмотренное нами переиздание книги Е.В. Тарле о Наполеоне — образец для изданий и переизданий научных биографий. И в этом большая заслуга В.А. Дунаевского.

³⁸⁹ Автору этих строк посчастливилось именно там ее увидеть в декабре 1991 г., при сопровождении в музей-панораму Ж. Тюлара.